

Трансформация пенсионных систем в условиях восточноевропейской модели социального государства: компаративный анализ

Научный дайджест № 11 (16) • 2022

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 78 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Социальное государство в странах Европы: региональные особенности формирования и использования человеческого потенциала и применимость опыта в российских условиях».

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О. В. Ворон
Авторы: Л. С. Биссон, А. А. Габарта, М. Б. Кондратьев, Е. А. Сергеев
Редактор: А. А. Андрианова

Введение

Через последние экономических кризисов в Европе заново поставила вопрос о границах государственного вмешательства в экономику и параметрах необходимой устойчивой социальной политики. Вновь возникает проблема эффективности национальных моделей государства всеобщего благосостояния и их способности купировать кризисы.

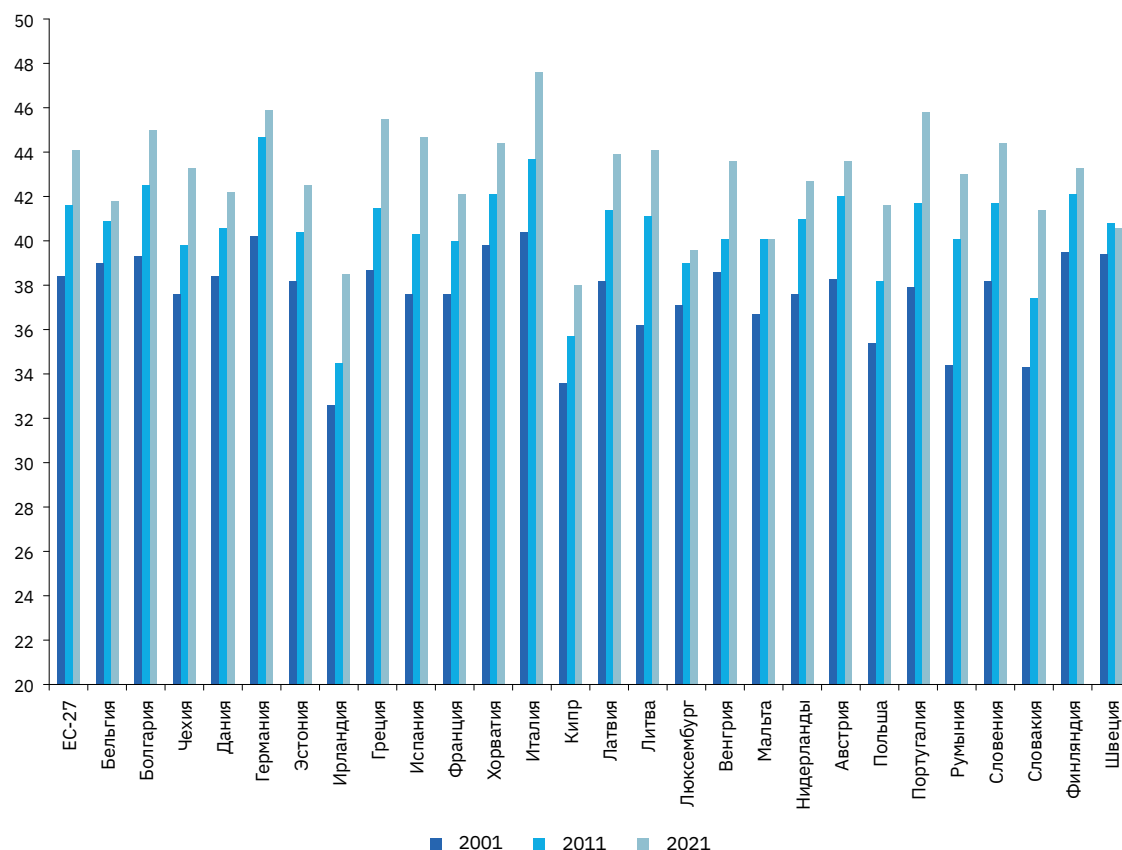
Вероятно, одним из наиболее ярких и показательных элементов социальной системы в стране остаётся пенсионное обеспечение. Представляя собой многоуровневую архитектуру прав и обязанностей как граждан, так и государства, различные пенсионные схемы в конечном итоге нацелены на обеспечение социально-экономической стабильности и достойного уровня жизни населения. Однако кризисы способны если не нарушить целостность и непротиворечивость таких систем, то по крайней мере привести к значительному изменению их параметров. Проблема изучения национальных пенсионных систем и их вклада в динамику социального развития изучаемого общества при этом осложняется существующей дифференциацией режимов социального государства (режимов благосостояния) в Европе, а также дискуссией относительно возможности выделения новых социальных моделей (например, стран Центральной и Восточной Европы).

Особенный научный интерес представляет выявление формата подобных изменений как раз в тех государствах, которые сравнительно недавно перешли к строительству современных пенсионных систем и при этом отличаются «ситуативностью» в реализации пенсионной политики (характеристики системы меняются в ответ на изменения среды). В качестве подобного объекта для исследования интересно взять страны Вишеградской группы (В4), представляющих собой наиболее динамичное и конкурентоспособное ядро среди стран Центральной и Восточной Европы, вошедших в Европейский союз (ЕС). Это важно с учётом того, что на эволюцию пенсионного регулирования значительное влияние оказывают такие качественные параметры, как институциональные рамки, структура и характер производственных отношений, сложившиеся в отдельных странах (Sarfati, Ghellab, 2012: 20). Его отличительной чертой по сравнению с другими видами социального страхования выступает длительный характер формирования пенсионных прав и последующих выплат. Именно в этом связана преемственность пенсионной политики и невозможность её радикального реформирования в целях восстановления финансово-экономического баланса в периоды кризисов (Синявская, Якушев, Червякова, 2021: 27).

Концептуальная рамка исследования

Пенсионное обеспечение представляет собой один из ключевых элементов моделей благосостояния, исторически сложившихся в странах Запада. Актуальность исследования проблематики подтверждается тенденцией к старению населения (см. рис. 1).

Рисунок 1
Медианный возраст в странах ЕС-27

Источник: построено авторами по данным Евростата

На протяжении десятилетий сравнительные исследования социальной политики были сосредоточены на попытке описать разнообразие режимов благосостояния через создание «идеальных типов». Наиболее широкую известность и распространение получила типология датского экономиста и социолога Г. Эспинга-Андерсена, который выделил три модели государства благосостояния: либеральную, представленную англо-саксонскими странами, прежде всего Соединёнными Штатами и Великобританией; консервативную, присущую странам континентальной Европы (Франция, Германия, Италия, Швейцария) и социал-демократическую, характерную для скандинавских государств (Esping-Andersen, 1990). В основе сравнения учёного лежали три принципа общественного устройства: государственное вмешательство в регулирование социальной сферы (интервенция), социальное расслоение по уровню дохода (стратификация) и соотношение

между рыночным/частным и государственным распределением благ (декоммодификация). В дальнейшем классификация Эспинга-Андерсена не только дополнялась другими учеными, но и пересматривалась. В 1996 г. М. Феррера ввёл в научный оборот четвёртый южноевропейский тип социального государства, к которому он отнёс Италию, Испанию, Португалию и Грецию (Ferrera, 1996). В 2000-е гг. исследователи поставили вопрос о том, представляют ли собой системы, созданные в ходе перехода от коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы пятую модель (Sengoku, 2004).

В научной литературе в отношении будущего государств всеобщего благосостояния стран ЦВЕ после их вступления в состав Европейского союза закрепилось два прогноза: первый – что эти государства не будут вписываться ни в одну из существующих в Западной Европе моделей; второй – что в своей социальной политике они будут постепенно сближаться с одним или несколькими режимами благосостояния, уже существующими на Западе (речь прежде всего об англосаксонской либеральной модели).

Так, в 1993 году было предложено временно отнести большинство этих стран к дополнительному типу – посткоммунистическому консервативному корпоративистскому режиму благосостояния (Deacon, 2000). Эспинг-Андерсен, напротив, отверг идею новой модели для стран Центральной и Восточной Европы, предположив, что различия между ними и тремя «идеальными» типами благосостояния носят лишь переходный характер. Это совпадает с постулатами теории распространения политики (*policy diffusion/learning theory*), согласно которой передача идей, знаний и других ресурсов от международных институтов и донорских организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, Европейский союз, направит развитие этих стран в сторону одного из известных режимов благосостояния.

В то же время пятьдесят лет «народной демократии» создали институциональное наследие, которое заставляет эти государства следовать по пути, заметно отклоняющемуся от существующих моделей. Т. Инглот утверждает, что системы социального обеспечения в Центральной и Восточной Европе развивались сложным и часто ситуативным образом, создавая гибридные структуры и институциональные слои, которые трудно вписать в существующие классификации социального обеспечения: политика поддержки занятости, принципы социального страхования, пенсионная система (Inglot, 2003). Это даёт сторонникам концепции зависимости от предшествующего развития или *path dependence* (Pierson, 2004; Thelen, 2003) основания говорить, что страны ЦВЕ продолжают находиться под влиянием исторического наследия в первую очередь институтов, стабильность которых объясняется важностью социальных функций, к которым относится пенсионное регулирование. Как справедливо отмечают Дж. Майлз и П. Пирсон, последствия политического выбора тех или иных пенсионных схем в значительной степени определяют характер доступных вариантов последующих реформ пенсионной системы (Myles, Pierson, 2001).

Современный иерархический кластерный анализ, использованный рядом учёных (Menno, 2018), позволяет утверждать, что однозначного сдвига этих стран в сторону лишь какого-то одного из классических типов так и не состоялось. Скорее, наблюдается сближение разных групп стран внутри региона (страны Балтии, Вишеградская четвёрка) по таким параметрам как: уровень безработицы, уровень государственных социальных расходов, уровень бедности и социально-экономической депривации, неравенства и др.

Таким образом, страны региона могут формировать отдельную самобытную восточноевропейскую модель при всех страновых различиях, которые заслуживают дальнейшего изучения. В этом отношении проводимый сравнительный анализ трансформаций пенсионных систем в отдельных группах стран ЦВЕ (Вишеград) может внести существенный вклад в дальнейшую классификацию социальных моделей стран Запада.

Контекст трансформации пенсионных систем в странах В4

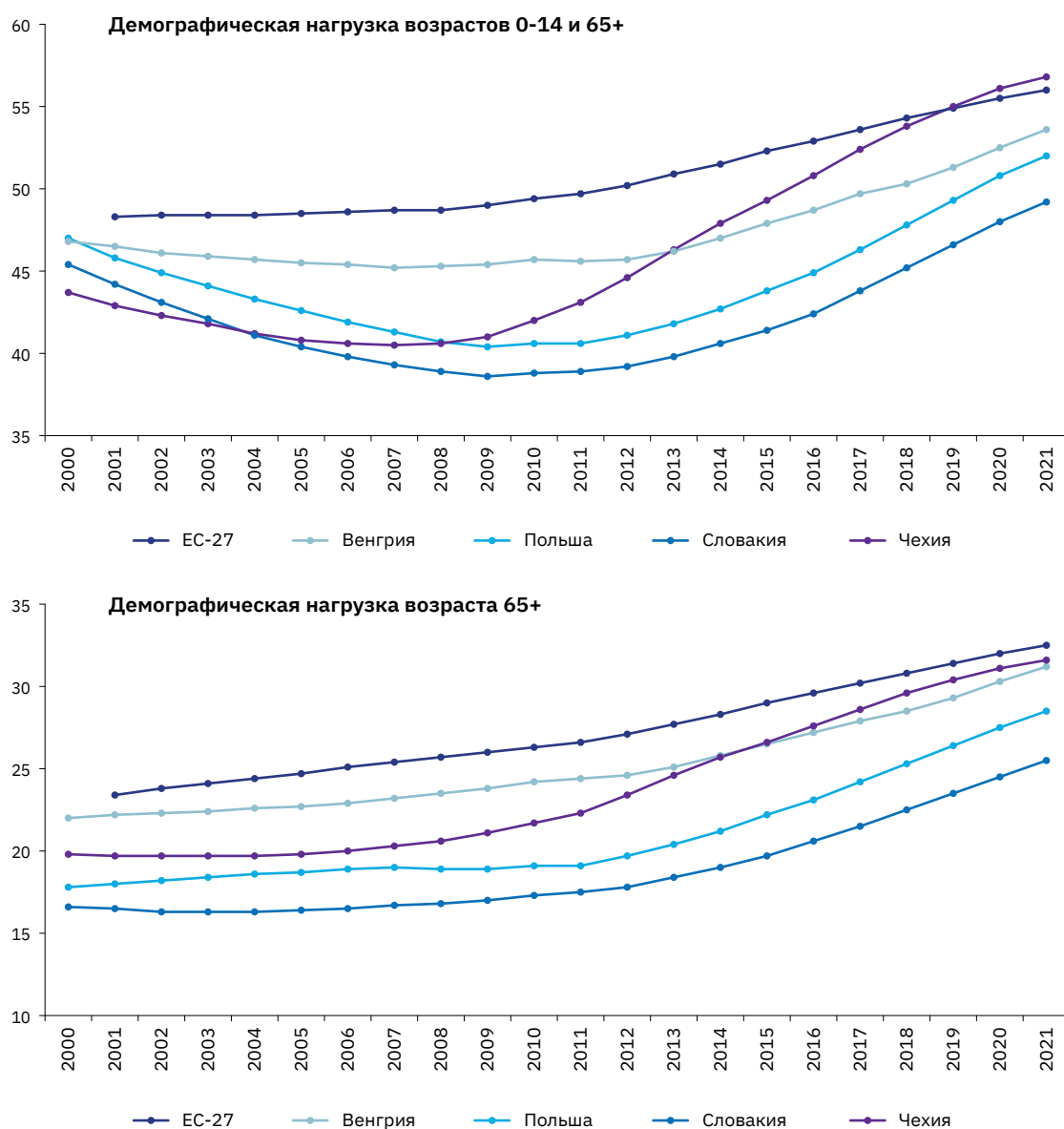
Помимо общей дифференциации социально-экономических моделей, существующих в Европе (Социальное государство..., 2016) и сложности однозначного выделения моделей стран ЦВЕ, анализ трансформации пенсионных систем в странах Вишеградской группы усложняется также рядом дополнительных факторов, формирующих контекст изменений. Так, подобным контекстом, безусловно, стали глобализация и сопровождавшая её региональная экономическая интеграция. Большое влияние на развитие социальной сферы в новых странах-членах оказала та институциональная структура интеграции, которая сформировалась в Европейском союзе. Принципы свободы внутреннего рынка и конкуренции, примат норм мобильности рабочей силы над нормами социального законодательства (Каргалова, Егорова, 2016: 64-70), «авторитарного либерализма» (Wilkinson, 2021) говорят нам о фактическом существовании в ЕС глубоко институционализированного либерального подхода к проведению экономической политики. Так, правила финансовой дисциплины ЕС устанавливают необходимость придерживаться сбалансированного бюджета, что не позволяло бы формировать избыточный долг. Еврокомиссия ежегодно занимается мониторингом национальных бюджетных программ, что может приводить к конфликтам между национальными правительствами и наднациональными институтами ЕС (Михалёв, Сергеев, 2021). В результате до коронакризиса страны-члены ЕС фактически не могли проводить дискреционную налогово-бюджетную политику, что могло повлиять и на трансформацию социальной политики. Можно говорить о том, что внутри союза сформировался своеобразный «институционализированный либерализм», заметно влияющий на динамику национальных реформ. В случае ряда стран В4 этот принцип привёл к самой радикальной на данный момент реформе пенсионных систем (подробнее далее). Произошла достаточно парадоксальная вещь: внешний по отношению к пенсионным системам В4 фактор вызвал гораздо больше изменений, чем внутренние особенности.

К числу других факторов, заметно усложняющих процесс концептуализации происходящих изменений, относятся усиление экономической интернационализации, ведущее к росту торговой и экономической конкуренции, финансовализация мировой экономики, политика жёсткой экономии в случае кризисов, подобных долговому кризису в зоне евро, налоговая конкуренция, изменение глобального экономического ландшафта и т.д. Дополнительные проблемы приносит постиндустриальное цифровое общество, несущее за собой неминуемые демографические перемены, социальные проблемы, подобные несоответствию требований рынка труда и квалификации рабочей силы, частичной занятости, сложности поддержания достойного коэффициента замещения и многие другие.

Демография среди них является основной и универсальной. Именно она определяет необходимость пенсионных реформ (но далеко не всегда их содержание). Несмотря на чуть более благоприятную демографическую ситуацию в странах В4 в сравнении со средними значениями по ЕС, очевидна тенденция к росту демографической нагрузки (см. рис. 2).

Рисунок 2

Демографическая нагрузка в странах В4 (%), 2000-2021 гг.

Источник: построено авторами по данным Евростата

По сути, социальные системы стран В4 формировались в условиях ускоренных глобальных перемен. Учитывая сложность и подвижность этого контекста, в котором развивались пенсионные системы стран Вишеградской группы, становится понятна главная причина появления у этих систем ключевой характеристики – ситуативности (система реформируется только в случае определённых импульсов, часто вызванных внешними факторами, и не отличается системностью и стратегической направленностью).

Логика развития пенсионных систем стран Вишеградской группы

Логика развития пенсионных систем стран В4 определяется их особенностями как переходных (постпереходных) экономик. Поскольку после 1945 г. пенсионные системы всех стран В4 были централизованы, их естественной формой стала перераспределительная пенсионная система с выплатами непосредственно из бюджета. В результате в конце 1980-х гг. ставка пенсионных взносов во многих социалистических странах превысила 30%, а государственные расходы на пособия составили более 10% ВВП.

В 1990-е гг. в странах Центральной Европы реформирование пенсионной системы происходило согласно рекомендациям Всемирного банка, суть которых можно свести к частичной приватизации пенсионной системы путем внедрения в нее финансовых схем с фиксированными взносами (defined contribution). Такая политика, по словам международных экспертов, казалась наилучшим способом сокращения расходов при обеспечении рыночной ориентации системы. В то же время центральноевропейские страны оставили нефинансовую (распределительную) часть своих пенсионных систем в традиционной форме с фиксированными выплатами (Чехия, Словакия и Венгрия). Отклонением от этой модели является Польша, где в этом вопросе была применена совершенно иная логика, предполагающая внедрение систем, в которых существует тесная связь между взносами и пенсиями (Chłoń-Domińczak A., Cichowicz E., Góra M., Rutecka-Góra, 2020: 391).

Относительно низкий пенсионный возраст в странах В4 был повышен в два этапа. Первое повышение пенсионного возраста произошло в рамках реформ пенсионной системы, а после вступления в Европейский союз большинство стран приняли решение о дальнейшем повышении пенсионного возраста, а также о его выравнивании для мужчин и женщин (за исключением Польши). В Словакии пенсионный возраст был повышен в соответствии с рекомендациями Европейской комиссии. Напротив, в последние годы правительства Польши решили отказаться от повышения пенсионного возраста и уравнивать его для женщин и мужчин (Chłoń-Domińczak A., Cichowicz E., Góra M., Rutecka-Góra, 2020: 393).

Одна из основных идей пенсионной реформы заключалась в выделении в ней государственных накопительных (сберегательных) систем. В Польше и Словакии универсальная пенсионная система была четко отделена от всей системы социального страхования (путем разделения пенсионного взноса).

По мере построения рыночной экономики, стабилизации национальных хозяйств правительства стран Вишеградской Европы приступали к реформированию своих пенсионных систем. В начале 1990-х гг. демократические избранные правительства были очень осторожны в реформировании социальной сферы. Везде за основу брались существующие системы социального обеспечения, которые пытались приспособить к изменившимся рыночным реалиям. Обратной стороной этих инициатив был непомерный рост расходных частей государственных бюджетов, обусловленный уменьшением

в трансформационный период доходов населения, высоким уровнем самозанятых в теневом секторе экономики и отсутствие стимулов среди населения для сбережения средств на старость.

Хорошо иллюстрирует эволюцию пенсионных систем стран В4 ситуация в Венгрии. Согласно закону от 1993 г., в стране была создана двухуровневая пенсионная система, состоящая из обязательного государственного страхования, представлявшего собой распределительный механизм, и инструмента добровольного страхования. Программа дополнительного добровольного пенсионного страхования охватывала только 13% работающего населения Венгрии. Пенсионный возраст был установлен на уровне 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, что являлось одним из самых низких возрастных порогов в Европе (Kolek, 2012: 84). Эта система функционировала всего 5 лет. Уже в 1997 г. была проведена реформа венгерской пенсионной системы, согласно которой была создана трехуровневая система: распределительная, накопительная и добровольная система пенсионного обеспечения. Взносы в обязательную распределительную часть вносились как работодателем (22%), так и работником (9%). Участие в третьем уровне пенсионной системы (добровольной накопительной) являлось добровольным.

Из-за последствий финансового и экономического кризиса 2008-2009 гг. венгерское правительство, стремясь увеличить доходы первого и второго уровней пенсионной системы, обязало увеличить пенсионные взносы работодателей с 22% до 24% и работников с 8% до 9%.

Этап тонкой настройки или продолжение тенденций?

В 2011 г. в разгар долгового кризиса в зоне евро в Польше и Венгрии было принято решение о фактической заморозке обязательной накопительной части пенсий. Накопленные финансовые средства были переданы в управление государственных пенсионных фондов. Такими шагами правительства пытались решить проблему чрезмерного дефицита бюджета и действовали в ответ на процедуру чрезмерного дефицита, инициированную Европейской комиссией против всех стран В4. Парадоксально, но именно желание за счёт пенсионных накоплений сформировать профицит бюджета в Польше и Венгрии привело к радикальной смене системы пенсионного страхования и фактическому возвращению к двухступенчатой системе. Во многом эта динамика была вызвана действиями наднационального фактора Европейского союза (Комиссарова, Сергеев, 2019).

Радикальная смена пенсионных систем в Венгрии и Польше не задала тенденцию к стратегически установленному вектору трансформаций, развитие пенсионных систем продолжает развиваться в рамках ситуативной нелинейной логики. Безусловно, ряд действий в рамках пенсионных систем вызван общеевропейскими демографическими причинами и соответствует общеевропейским практиками, однако и здесь возможны варианты.

Так, в связи с усложнением демографической ситуации в Европейском союзе и ростом коэффициента демографической нагрузки (с 48% в 2005 году до 57% в 2021 г.)¹ страны как Западной, так и Восточной Европы преимущественно *повышают* возраст выхода на пенсию. Венгрия, Чехия и Словакия не стали исключением (хотя в Чехии и Словакии временно были введены «потолки» пенсионного возраста), в то время как в Польше пенсионный возраст был изначально повышен (в 2012 году), а затем снижен в 2017 г. Понижение возраста выхода на пенсию в Польше было одним из предвыборных обещаний избранного в качестве президента в 2015 году А. Дуды (“Andrzej Duda: projekt ws. wieku emerytalnego - w sierpniu”, 2015). При этом расходы Польши на финансирование пенсионной системы с 2017 по 2020 гг. увеличились незначительно в относительных значениях (с 10,3% до 10,6% от ВВП) (ОЕСД, 2021). Как видно, в значительной мере такие ситуативные изменения могут быть вызваны политическими факторами (можно даже говорить о некоторых элементах пенсионных циклов (по аналогии с бюджетными)).

В период с 2020 г. страны Вишеградской группы (кроме Чехии) стали вводить так называемые «13-е пенсии», которые пенсионеры обычно получают в конце года. Первой страной, которая ввела такую дополнительную выплату, стала Польша, где в январе 2020 года размер «13-й пенсии» был установлен на уровне минимального размера пенсии по старости. Примечательно, что эта мера была введена за полгода до выборов президента в Польше, в результате которых А. Дуда был переизбран. В апреле 2020 года словацкий парламент также принял решение о введении «13-й пенсии», равной средней

¹ Population by age group (2022) European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00010/default/table?lang=en> (Accessed: October 29, 2022).

величине соответствующего вида пособия, однако уже в ноябре размер дополнительного платежа был снижен: оба решения были приняты выбранным в конце февраля Национальным советом Словакии, в котором была образована коалиция во главе с правоцентристской партией «Обычные люди и независимые личности». Кроме того, в январе 2021 года Венгрия начала постепенно вводить «13-пенсию». Это пособие появилось за год до парламентских выборов в стране (в апреле 2022 года), причем было предусмотрено, что пенсионеры получают «13-ю пенсию» в размере 50% от месячной выплаты в феврале 2022 года (“Orbán Viktor évértékelő beszéde”, 2022). Так, можно предположить, что меры по увеличению пенсионных выплат играют важную роль при применении административного ресурса с целью повышения рейтинга тех или иных политических сил: население в возрасте от 65 лет составляет 20,3% в Венгрии, 18,7% в Польше и 17,1% в Словакии, причем три из четырех стран Вишеградской группы занимают лидирующие позиции по темпам старения населения среди стран-членов ЕС (Eurostat, 2022).

Между тем наблюдается неравномерный рост официального долга в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, что в том числе стоит связывать с растущими расходами на обеспечение пенсионной системы. Первые три страны на протяжении как минимум последних 9 лет нарушают критерии, закрепленные в Пакте стабильности и роста, так как их государственный долг превышает 60% (в 2021 г. государственный долг составил 68,2% у Польши, 79,8% у Венгрии и 88,8% у Словакии), в то же время официальный долг Чехии не превышал допустимую норму даже после мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 году (OECD, 2021).

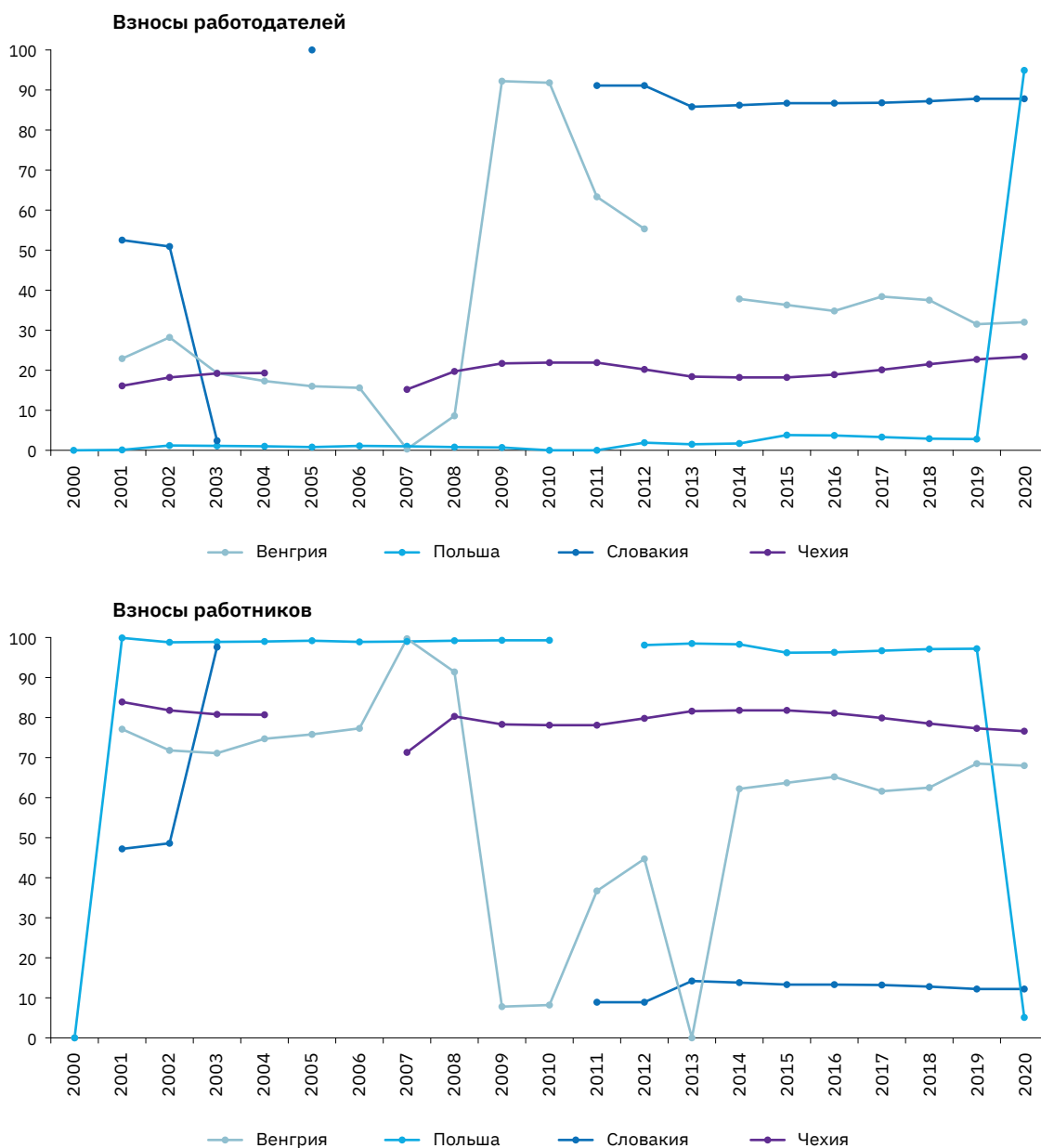
С одной стороны, по некоторым косвенным признакам можно говорить об эффективности пенсионных систем стран Вишеградской группы: так, уровень бедности среди пожилых граждан не превышает средний уровень по ОЭСР, а в Венгрии (4,9%) и Словакии (5%) этот показатель вовсе один из самых низких. Кроме того, в четырех изучаемых странах наблюдается относительно низкий уровень неравенства среди пожилых граждан: коэффициент Джини составляет не более 0,263 для населения в возрасте старше 65 лет (средний показатель в странах ОЭСР – 0,309), причем во всех странах В4 уровень неравенства среди пожилых ниже уровня неравенства в целом по стране (OECD, 2021).

С другой стороны, период с 2010-х гг. в В4 (кроме Чехии) отметился активной деятельностью по реформированию пенсионной системы, которую нельзя назвать весьма эффективной, исходя из частой отмены ранее принятых решений. В известной степени пенсионные реформы поспособствовали дестабилизации пенсионной системы в странах, что было выявлено во время кризиса, связанного с пандемией коронавируса: в 2020 г. инвестиционная доходность планов пенсионного страхования в странах Вишеградской четверки оказалась одной из самых низких среди стран-членов ОЭСР, а у Польши и Чехии она вовсе оказалась отрицательной. Оценка инвестиционного дохода пенсионных планов в среднесрочной и долгосрочной перспективе также скорее отрицательна для изучаемых стран; относительно высокую доходность показала лишь Венгрия, чей уровень примерно равен уровню Германии (OECD, 2021). Кроме того, при оценке эффективности пенсионной системы анализируется «фактор отдачи», выраженный коэффициентом замещения (уровень получаемой пенсионной выплаты в процентах от дохода до выхода на пенсию). Согласно оценкам Европейской комиссии, к 2059 году этот показатель будет составлять 62,4% в Чехии, 67,4% в Словакии, 60,6% (жен.) и 71,6% (муж.) в Польше и 87,2% в Венгрии. С одной стороны, такие показатели выше, чем в Германии

с солидарной пенсионной системой (57,8%) или в Эстонии (35%), однако такие страны как Франция (76,2%), Италия (79,4%), Нидерланды (101,2%) и т. д. показывают в среднем лучшие результаты (European Commission, 2021). При этом отдельные страны не стесняются достаточно радикальных ситуативных изменений, которые могут отражаться, например на изменении структуры основных вкладчиков в пенсионные фонды (см. рис. 3).

Рисунок 3

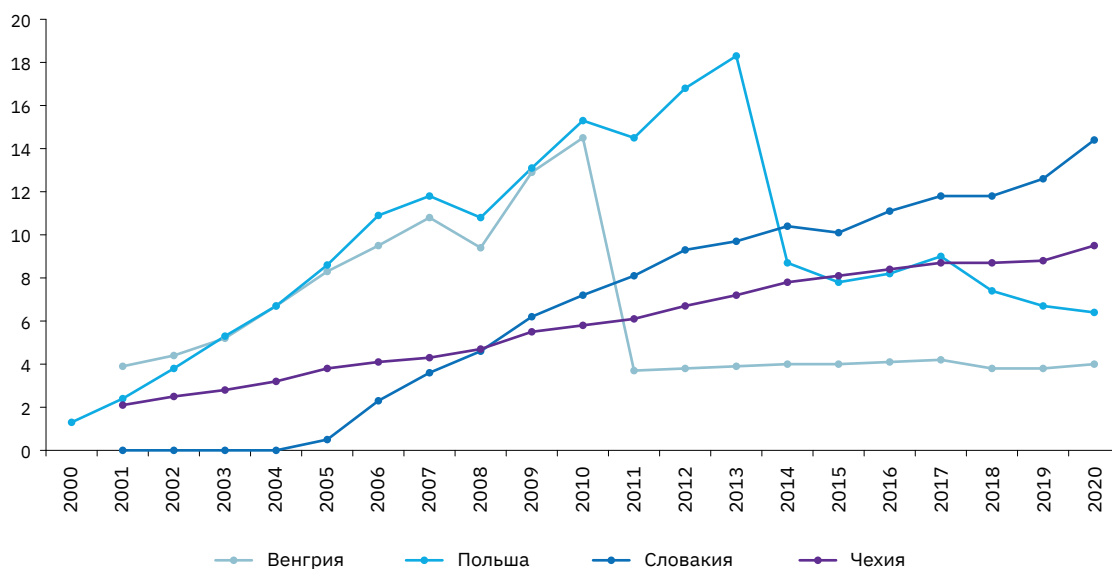
**Пенсионные взносы, выплачиваемые работодателями и работниками
(% всех пенсионных взносов, 2000-2020 гг.)**

Источник: построено авторами по данным ОЭСР

Низкая эффективность проведенных реформ лучше всего просматривается в Польше, где в 1999 году был создан рынок частного пенсионного страхования, причем до конца 2000-х гг. рынок пенсионного страхования в стране был одним из самых быстрорастущих в мире. В результате мирового экономического кризиса стоимость активов частных пенсионных фондов сильно сократились (см. рис. 3), а польское правительство испытывало трудности при преодолении кризиса: дефицит государственного бюджета достиг 7,4% от ВВП в 2010 году (OECD, 2021). В связи с этим с 2011 года при помощи административного ресурса государственная пенсионная система начала «отвоевывать» рынок пенсионного страхования в стране, а в 2014 году 51,5% активов частных фондов были национализированы и направлены в управление социального страхования. Кроме того, в рамках борьбы с государственным долгом пенсионным фондам было запрещено инвестировать в государственные облигации (Jakubowski, 2016): именно поэтому Польша занимает первое место по доле акций в активах пенсионных фондов среди стран-членов ОЭСР. Так, система частного пенсионного страхования была крайне ослаблена: взносы в частные фонды перестали быть обязательными (Komisja Nadzoru Finansowego, 2022). В «глобальном пенсионном индексе» 2022 года устойчивость пенсионной системы оценивается на 45,4 балла из 100, а в целом стране присвоена оценка «С» по шкале от А до Е (Mercer CFA Institute, 2022).

Рисунок 4
Активы частных пенсионных фондов, % ВВП

Источник: построено авторами по данным ОЭСР

Таким образом, хотя в настоящее время пенсионные системы стран В4 демонстрируют относительную стабильность по социальным показателям, их финансовая устойчивость в будущем может быть поставлена под сомнение, в частности в связи с использованием дополнительных дотаций в качестве административного ресурса. Система, в сущности, снова вернулась в своё изначальное состояние ситуативности и «случайности» изменений.

Список литературы

1. "Orbán Viktor éwertékelő beszéde" (2022) *Miniszterelnöki Kabinetiroda*. Available at: <https://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-evertekelo-beszede-5/> (Accessed: October 29, 2022).
2. *Age dependency ratio (% of working-age population) - Czechia, Hungary, Poland, Slovak Republic, European Union (2022)*. *The World Bank Group*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND?locations=EU> (Accessed: October 29, 2022).
3. *Andrzej Duda: Projekt WS. Wieku Emerytalnego - W Sierpniu (2015) Prawo i Sprawiedliwość - Internetowy Serwis Informacyjny*. Available at: <https://pis.org.pl/aktualnosci/andrzej-duda-projekt-ws-wieku-emerytalnego-w-sierpniu> (Accessed: October 29, 2022).
4. Chłoń-Domińczak A. (2020) Cichowicz E., Góra M., Rutecka-Góra J., Systemy emerytalne wyzwaniem dla krajów Europy Środkowej i Południowej. W: Raport SGH i Forum Ekonomicznego 2020, red. Wachowiak P., Godlewska-Majkowska H., Strojny M., Majewski B., Warszawa 2020.
5. Deacon B. 2000. Eastern European welfare states: the impact of the politics of globalization // *Journal of European Social Policy*. 2000. Vol.10. Issue 2. P. 146-161.
6. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1990.
7. *European Commission. Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. (2021) 2021 pension adequacy report: current and future income adequacy in old age in the EU. Volume 1. LU: Publications Office*. Available at: <https://doi.org/10.2767/013455> (Accessed: October 29, 2022).
8. Ferrera M. The "Southern Model" of Welfare in Social Europe // *Journal of European Social Policy*. 1996. Vol. 6. Issue 1. P.17–37.
9. *General Government Debt (2021) OECD*. Available at: <https://data.oecd.org/gga/general-government-debt.htm> (Accessed: October 29, 2022).
10. Inglot T. (2003) *Historical Legacies, Institutions and the Politics of Social Policy in Hungary and Poland, 1989–1999*, in: G. Ekiert, and S. Hanson (eds.), *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of the Communist Rule*. New York: Cambridge University Press.
11. Kolek A.J. (2012) Powszechne systemy emerytalne w krajach Europy Środkowo-Wschodniej. Analiza porównawcza. Wydział Dziennikarstwa i Nauk Politycznych, Uniwersytet Warszawski, Warszawa.
12. Menno F. Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology (2004) *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, Vol. 3, Issue 2, 1- 30
13. Myles J., Pierson P. The Comparative Political Economy of Pension Reform. In Paul Pierson (ed.) *The New Politics of the Welfare State*. Oxford, 2001. P. 305-333.
14. Nowacka A., Ścibło A. (2017) Uwarunkowania systemu emerytalnego w Polsce, Zeszyty Naukowe PWSZ w Płocku, *Nauki Ekonomiczne*, no. 1(25).
15. *OECD (2021). Pension Markets in Focus 2021*. Available at: <http://www.oecd.org/finance/pensionmarketsinfocus.htm> (Accessed: October 29, 2022).

16. OECD (2021). *Pensions at a Glance 2021 (2021)*, OECD Pensions at a Glance. Available at: <https://doi.org/10.1787/ca401ebd-en> (Accessed: October 29, 2022).
17. Pierson P. (2004) *Politics in Time. History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
18. Piotrowska K., Rae G. (2008) Divergence Not Convergence. The Strengthening of the post-Communist Welfare State Model in Central and Eastern Europe After European Union Expansion, *Polish Sociological Review*, no. 203, 303–319.
19. *Population structure and ageing*. (2022) European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00010/default/table?lang=en> (Accessed: October 29, 2022).
20. Sarfati H., Ghellab Y. (2012) *The political economy of pension reforms in times of global crisis*, ILO, Geneva.
21. Sengoku M. (2004) *Emerging Eastern European Welfare States: A Variant of the “European” Welfare Model*, in: Tabata S., Iwashita A. (eds.) *Slavic Eurasia’s integration into the world economy and community*, Sapporo.
22. Thelen K. (2003) *How institutions evolve: insights from comparative historical analysis*. In: Mahoney J. and Rueschemeyer D. (eds) *Comparative Historical Analysis in the Social*, Cambridge University Press.
23. Wilkinson, M. A. (2021) *Authoritarian Liberalism and the Transformation of Modern Europe*, Oxford.
24. Каргалова М.В., Егорова Е.Н. Социальное измерение европейской интеграции. М.: Изд-во «Аксиом», 2010.
25. Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А. Фискальное регулирование ЕС и консолидация бюджета в странах Вишеградской группы. Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3(66). С. 131-158.
26. Михалёв Д.О., Сергеев Е.А. Отношения Европейского союза и Италии в контексте наднационального фискального регулирования // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. №3 ч. 2. С. 208-221. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-3-208-221>
27. Российская пенсионная система в контексте долгосрочных вызовов и национальных целей развития / О. В. Синявская, Е. Л. Якушев, А. А. Червякова. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
28. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее. Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016, 189 с.